

СРЕДНЕВЕКОВАЯ РУСЬ

УДК 94(47+57)

Ляпин Д.А.¹

**ОКРАИНА ЦАРСТВА БЕЗ ЦАРЯ:
ЮЖНЫЕ РУБЕЖИ РОССИИ В СМУТНОЕ ВРЕМЯ²**

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

Lyapin D. A.

**THE EDGE OF A KINGDOM WITHOUT A KING:
SOUTHERN BORDERS OF RUSSIA IN THE TIME OF TROUBLES**

Bunin Yelets State University

***Реферат:** Исследуются события гражданской войны на Юге России в 1604–1613 гг. Работа основана на сохранившихся документах. Причиной активности населения окраины царства стало неприятие власти Бориса Годунова. Дальнейшие события были связаны с борьбой за власть местных миров и закончились поддержкой единого царя – Михаила Романова. Анализируются события в контексте отношений власти и общества. Делаются выводы о том, что население окраины хотело нового царя, но легитимность претендентов на трон была низкой. Только Михаил Федорович Романов смог стать настоящим царем для местных «миров».*

***Ключевые слова:** Смутное время, Юг России, служилые люди, формы поведенческих моделей.*

***Abstract:** The events of the civil war in the south of Russia in 1604–1613 are investigated. The work is based on preserved documents. The author comes to the conclusion that the reason for the activity of the population of the outskirts of the kingdom was the rejection of the power of Boris Godunov. This story was connected with the struggle for power of local worlds and ended with the support of a single king - Mikhail Romanov. The author dwells in detail on especially significant events in the history of the region of this time: Dmitry's support, the movement of Ivan Bolutnikov and the struggle of Moscow with the Cossacks of Ataman Ivan Zarutsky. The*

¹ **Ляпин Денис Александрович** – доцент, д.и.н., зав. кафедрой истории и историко-культурного наследия Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина.

² Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ, проект № 8-39-20001 мол_a_вед.

author analyzes the events in the context of relations between the authorities and society. The population of the outskirts wanted a new tsar, but the legitimacy of the candidates for the throne was low. Only Mikhail Romanov was able to become a real tsar for local society.

Keywords: *Time of Troubles, South of Russia, service people, forms of behavioral models.*

Цель нашей статьи – показать в общих чертах историю Юга России в годы Смутного времени начала XVII в.

В делопроизводственных документах, отражающих историю Юга России, термин «Смутное время» применительно к событиям гражданской войны начала XVII в. нам не встречался. Вспоминая этот период истории, жители окраины царства называли его «размирьем», реже – «временем войн». Само по себе слово «размирье» («разрушение мира») довольно интересно, поскольку отражает противостояние местных «миров» между собой. В самом деле, каждого кандидата на русский престол поддерживали представители того или иного региона, т. е. – местного «мира», что и вызывало разобщенность и вражду внутри провинциального общества. Понятие «размирье» по своему содержанию близко к современному термину «гражданская война» и хорошо отражает суть происходивших в стране событий с позиции рядовых жителей находящегося в кризисе государства.

Однако самое главное, что в годы «размирья» разорванными оказались не только отношения между регионами, но и связь царя (священного носителя высшей власти) и местных «миров» (его верных подданных), столь значимая для функционирования самого государственного механизма. Хотя, вероятно, эта связь была нарушена еще в 1598 г., когда на престол взошел Борис Годунов, человек очень непопулярный в народе. Причины этих антипатий Р. Г. Скрынников видел в том, что во время голода 1601–1603 гг. правительство пошло на поддержку крестьян, разрешив им покидать своих землевладельцев, и эта мера, якобы, и нанесла урон мелким помещикам (главным образом, жителям южной окраины), имевшим всего несколько крестьянских дворов [20, с. 183].

Однако помещики с крестьянами не составляли большую часть местного населения, основной массой жителей являлись не имевшие крестьян однодворцы [9; 10]. Вероятно, царь Борис был непопулярен в силу причин, сводившихся к низкой леги-

тимности его власти в сознании рядового населения. В Кремле, видимо, знали это и пытались использовать самые различные меры идеологического характера, чтобы поправить ситуацию [24, с. 11-54].

Для понимания обстановки на Юге России накануне «размирья» большой интерес представляют данные смотра елецких помещиков-детей боярских (материалы смотров записывались в специальный список – «десятню» [8, с. 293-309]) 1604 г., который проходил в Ливнах [19]. Судя по его данным, с 1593 по 1604 гг. местным служилым людям жалованье ни разу не выплачивалось, за исключением выборочных выплат 1598 г., когда Борис Годунов сел на московский трон. Общее количество явившихся на смотр помещиков («детей боярских») в этом году составило 621 человек, причем из них не служивших ранее «новики» было 214 человек. Очень показательно, что 126 детей боярских (21 %) на смотр не явились, проигнорировав эту важную составляющую своей службы. Любопытен в этом контексте пример Захара Ляпунова (брата будущего героя Смуты Прокопия Ляпунова), который отказался быть станичным головой (руководить сторожевой и патрульной службой) в Ельце, куда был назначен царским указом. Опасаясь преследований со

стороны властей, он укрывался в своих владениях [8, с. 405].

В условиях, когда многие служилые люди не спешили показываться на смотрах и избегали исполнения своих обязанностей, правительство пошло на специальные меры, разрешив раздавать поместья почти всем желающим, годным к военной службе. Уже на первых листах составленной по материалам смотра «десятни», где говорится о наборе детей боярских, появляется фраза: *«а иные бывали казаки и стрельцы»*. Далее встречаем и главный критерий, по которому записывали на военную службу и раздавали поместья – *«а собою добры и в службу годны»*. Впрочем, отметим, что подобные прецеденты на южных границах России имели место и ранее, хотя были редкими [25].

Таким образом, «десятня» 1604 г. свидетельствует о нараставшем социальном кризисе на южной окраине государства. В обстановке недостаточной легитимности царской власти материальные трудности, связанные со сложившимися здесь условиями, вызвали большое недовольство в местной служилой среде.

К общим трудностям материального положения служилых людей добавлялась распашка десятинной пашни – государственного земельного фонда, находящегося возле

каждой крепости. «Пахать через десятину» – в то время значило вести коллективную распашку земельного участка, который делился на полосы – десятины. Цель возделывания пашни заключалась в обеспечении местного гарнизона собственным хлебом: собранный с этих земель урожай хранился в житницах крепости и раздавался по мере надобности населению или же отправлялся в соседние крепости, если в этом была необходимость [15, с. 215].

Показательное свидетельство в пользу непопулярности Бориса Годунова в местной служилой среде – данные антропонимики (имянаречения) [12; 13]. В XVI–XVII вв. в рамках церковного календаря имянаречение оставалось достаточно свободным волеизъявлением родителей, и частотность того или иного имени определялась не только количеством его повторений в святцах, но также и общественно–бытовыми факторами. Как показывает анализ системы имянаречения в семьях служилого населения Юга России в XVII в., родители предпочитали называть детей в честь того или иного монарха или наследника престола [12]. Изучение комплекса документов по Елецкому уезду показывает, что среди большого перечня имен мальчиков, родившихся в 1598–1604 гг., имя «Борис» ни разу не встречается. Складывает-

ся впечатление, что ельчане избегали называть своих детей именем правящего в столице монарха.

В условиях низкой легитимности власти Бориса Годунова в октябре 1604 г. в юго–западные пределы России вторглись войска человека, выдававшего себя за истинного наследника московского престола, последнего сына Ивана Грозного, царевича Дмитрия (Лжедмитрия I). Постепенно жители пограничных крепостей стали переходить на сторону этого нового претендента, видя в нем альтернативу правлению Годунова. В ноябре бунт в поддержку «царевича Дмитрия» вспыхнул в Новгороде–Северском, затем 1 декабря мятежники арестовали воеводу Рыльска, а после восставшие провозгласили власть царевича в соседнем Курске [20, с. 188]. Возрожденный в 1596 г. Курск был крупной крепостью и играл заметную роль в организации сторожевой и патрульной служб, которые предполагали регулярное взаимодействие с соседними крепостями. Курские новости об «истинном царевиче Дмитрие Ивановиче», справедливом, добром, а, главное, законном кандидате на русский трон, быстро распространились на окраинах царства.

После Курска против Бориса Годунова выступили Кромь, а оттуда волнения перекинулись уже в Орел,

который, однако, сохранил верность Москве [6, с. 120]. Стремясь удержать Кромы, правительство перебросило сюда детей боярских из Белева и Мценска, служивших до этого в Белгороде и показавших преданность властям [1, с. 232]. Опасность, исходящая от Кром, ставших центром агитации в пользу «Дмитрия», заставила правительство собрать новую армию и отправить ее в эту небольшую крепость. Командование новым войском было поручено Ф.И. Шереметеву, тому самому, который, проводил смотр елецких детей боярских [20, с. 206]. Однако московские войска не смогли взять Кромы, и слухи об их поражении быстро распространились по южным крепостям, вызвав новые брожения среди населения [20, с. 208].

В таких условиях в феврале 1605 г. крепости южного пограничья стали одна за другой переходить на сторону нового претендента на трон. Первыми это сделали Оскол, Валуйки, Воронеж, Царев–Борисов и Белгород, а затем «Дмитрия» поддержали Елец, Ливны и, вероятно, Данков [20, с. 210]. Эти события изменили военную ситуацию, нарушив наступательные планы Москвы, и новое войско, посланное под Кромы, вновь не добилось успеха.

13 апреля 1605 г. внезапно умер Борис Годунов. Гражданская война

стала затихать, окончившись вступлением 20 июня 1605 г. Лжедмитрия в Москву. Как видим, восстание крепостей южной окраины сыграло заметную роль в его борьбе за царский престол [5, с. 106]. По всей вероятности, именно слабая легитимность власти Бориса Годунова позволила местным «мирам» так легко нарушить данную ему в 1598 г. клятву верности [24, с. 11-54].

Время правления Лжедмитрия было недолгим. Мы не имеем достоверных сведений о его политике относительно южных границ страны. Считается, что царь планировал совершить военный поход на турецкую крепость Азов, о чем стало известно к весне 1606 г. [6, с. 135]. Русская армия должна была включить в свой состав гарнизоны крепостей окраины, а центром для сбора войск был объявлен Елец. Вплоть до конца весны здесь запасали амуницию и провиант. Для обеспечения судоходного пути по Дону Лжедмитрий приказал даже строить флот на реке Воронеж [14, с. 68]. Однако собранная армия напрасно ждала царя. Московский правитель был убит заговорщиками 17 мая 1606 г.

На престоле оказался глава заговорщиков — боярин Василий Иванович Шуйский. Позиция населения южных крепостей относительно новой власти была неоднозначной [11].

Иностраннный очевидец событий, Исаак Масса, привел в своих записках перечень городов, сразу отказавшихся признать власть нового московского царя Василия : Рязань, Карачев, Ливны, Орел, Деделов, Венев, Михайлов, Болхов, Ряжск, Кашира, Алексин, Льгов и Епифань [14, с. 153, 168].

Как сообщают разрядные записи, узнав о воцарении Василия Шуйского, население Белгорода и Царева–Борисова подняло мятеж и убило своих воевод, а в Ливнах воевода Михаил Борисович Шеин чудом спасся от расправы [1, с. 8]. Вероятно, легитимность «боярского царя» в глазах населения большинства «миров» окраины царства была не такой уж высокой. Однако важнейшие крепости пограничья, весьма вероятно, присягнули Шуйскому. Речь идет о Ельце, Воронеже, Курске, Белгороде и Старом Осколе. Впрочем, эта верность была недолгой, и скоро местное население отказалось признать своим царем бывшего боярина Василия Шуйского. Обо всем этом свидетельствует письмо царевны Марфы Нагой в Елец, где она упоминает «клятвопреступление» его жителей по отношению к новому царю (последняя жена Ивана Грозного, мать царевича Дмитрия, клялась ельчанам, что ее сын давно умер, и призывала народ не верить

слухам о его чудесном спасении) [22, с. 134]. Письмо было написано в июле 1606 г., когда Елец, а вслед за ним и другие крепости региона, уже «изменили» Шуйскому (верность ельчан, как мы видим, длилась чуть более месяца). Скорее всего, решающую роль здесь сыграли слухи о спасении «истинного государя Дмитрия».

Несмотря на то, что чудом спасшегося царя никто не видел, в Кромах в это же время под его знаменем начался новый бунт против Москвы, известный в истории как восстание Ивана Болотникова. Если Кромы находились под влиянием идей о мнимом спасении Дмитрия, то позицию ельчан в их неприятии нового московского владыки понять сложнее. Скорее всего, мятеж здесь был поднят не столько ельчанами, сколько стоявшей в крепости армией, ожидавшей похода на Азов. Имея военные запасы и провиант, она была реальной силой, способной, как казалось, выступить против Василия Шуйского, коварно захватившего власть в столице. Вслед за Ельцом от присяги, вероятно, отказались и другие крепости окраины царства — Воронеж, Курск, Белгород и Старый Оскол [5, с. 106].

Однако Василию Шуйскому удалось довольно быстро собрать армию и направить ее на Елец с наме-

рением подавить разгоравшийся мятеж. Но осада крепости, где появился свой лидер — епифанский сотник Истома Пашков, обернулась неудачей и окончилась уже в августе 1606 г. отступлением правительственных войск [11, с. 58-68]. Затем армия, ведомая И. Пашковым, направилась к Москве, соединившись по дороге с войсками Болотникова, следовавшего на русскую столицу из Кром.

Осенью 1606 г. с Дона в Путивль двинулось войско казаков, которое поддерживало «своего» самозванца — царевича Петра, якобы сына покойного царя Федора Ивановича. Эта казачья рать прошла через некоторые южные крепости и прибыла в Путивль. Потом самозванец принялся ездить по окраинным крепостям страны, призывая народ восстать против «узурпатора» Шуйского. Однако совсем не царский вид самозванного Петра и наглое поведение его войска вызывали недоверие у людей. В конце концов местные «миры» большой поддержки этому претенденту на трон не оказали, и он, разорив Царев-Борисов, отправился к войску Болотникова.

Пока происходили эти события, восставшие осаждали Москву [7, с. 122-123]. В какой-то момент значительная часть населения южных крепостей перешла на сторону Василия Шуйского вместе со своим ли-

дером Пашковым, и в итоге мятежная армия не смогла взять столицу, отойдя к Туле (июнь 1607 г.), где была взята в осаду правительственными войсками.

В это же время на западе России объявился тот, кого давно ждали противники Шуйского и чьим именем они воевали с ним, — якобы вновь спасшийся от заговорщиков Дмитрий Иванович (Лжедмитрий II). Но он не был достаточно решительным лидером, а восстание Болотникова уже не имело шансов на успех (не смог изменить положения и «Петр Федорович» со своим казачьим войском). В таких условиях население южной окраины стало присягать на верность Василию Шуйскому. В этом же году Тула была взята и в Кремле поспешно объявили об окончании мятежа.

Казалось бы, ситуация начала налаживаться. Но случилось так, что московские войска устроили в Туле страшную резню над сдавшимися в плен болотниковцами, а затем начался настоящий террор в отношении всех причастных к этому народному движению. Это вызвало большое возмущение среди населения южных рубежей, и тогда многие увидели в Лжедмитрии II (еще не успевшем себя как-либо проявить) реальную альтернативу царю Василию Шуйскому. На Юге страны

началось уже настоящее «размирье»: одни служилые люди заколебались в проявленной было верности московскому монарху, другие сохранили присягу и даже вступили в ряды войск, собранных против нового самозванца [17, с. 49-50]. Ситуация «размирья» продолжалась, вероятно, все время правления Шуйского.

Летом того же 1610 г. непопулярный царь был, наконец, свергнут. Новое правительство, состоявшее из бояр, заключило договор с польским королем Сигизмундом III о призвании на русский престол его сына — молодого королевича Владислава. Под предлогом защиты от Лжедмитрия II польский гарнизон вошел в Москву, а затем остался там и после смерти самозванца (11 декабря 1610 г.). Сначала население отнеслось к приглашению королевича Владислава с определенной долей симпатии, но, как оказалось, польский король вовсе не собирался сажать своего сына на московский трон, а имел совсем иные планы по поводу измученной войнами и раздорами соседней страны. Как известно, политика Сигизмунда III (нацеленная на подчинение России Польскому государству) и бесцеремонное поведение поляков в Москве вызвали бурю негодования в русском обществе. В 1611 г. рязанское дворянство во главе с П.П. Ляпуновым и Д.Т. Трубец-

ким при поддержке казаков И.М. Заруцкого пыталось освободить русскую столицу от обосновавшегося в ней польского гарнизона.

Параллельно с этими событиями происходило формирование нового ополчения в Нижнем Новгороде. Его агитаторы ездили по стране, в том числе убеждая и население южной окраины оказать поддержку новому народному движению. Второе ополчение, возглавляемое Кузьмой Мининым и князем Дмитрием Михайловичем Пожарским, было хорошо организовано и пользовалось признанием среди жителей многих городов. Благодаря этому Москва была освобождена ополченцами от поляков 26 октября 1612 г.

В создавшейся ситуации важно было восстановить административную структуру государства во главе с царем, легитимным в глазах правящей элиты и местных «миров». В результате выборов 27 марта 1613 г. на русском троне оказался Михаил Федорович Романов, который был родственником последнего монарха из династии Рюриковичей, Федора Ивановича. Грамоту об избрании нового государя подписали и представители некоторых южных крепостей — Ливен, Оскола, Курска и Белгорода [2, с. 215; 18. с. 80].

Однако признание Михаила Романова осложнилось большим влия-

нием оппозиционного Москве казачества. В результате в июне–августе 1613 г. развернулась новая война между сторонниками избранного царя Михаила Федоровича и казачьего атамана Ивана Мартиновича Заруцкого. Атаман рассчитывал найти поддержку среди местного населения, а затем двинуться походом на столицу, чтобы посадить на трон малолетнего сына Лжедмитрия II — «царевича Ивана».

Атаман начал действовать весьма активно: еще в сентябре 1612 г. он пытался вредить войскам Д. М. Пожарского, понимая, что захват ополченцами Москвы совсем не в его интересах. Однако казаки Заруцкого были быстро оттеснены на юг отрядом воеводы Мирона Андреевича Вельяминова, поддерживавшего Д. М. Пожарского [16, с. 338]. И. М. Заруцкий отступил на южную окраину только для того, чтобы найти здесь поддержку и пополнить свою армию. Вначале он занял город Михайлов, где поставил своего воеводу, а затем двинулся дальше, призывая жителей крепостей вступить в ряды его казачьего войска для похода на Москву. В это же время другим важным опорным пунктом казаков стал Пронск, где не признали итогов московских выборов [22, с. 72].

Уже в апреле 1613 г. именем царя Михаила Федоровича новое прави-

тельство приступило к активным военным действиям против атамана И. М. Заруцкого. Положительным моментом для нового правительства стало то, что симпатии местного населения к казакам оказались не велики. Жители Михайлова, к примеру, почти сразу выгнали своего казачьего воеводу и заявили о том, что присягают московскому государю [21, с. 23]. Затем М. А. Вельяминов совершил нападение на Пронск, легко взял его и без труда привел местное население к присяге царю.

Весной 1613 г. М. А. Вельяминов начал рассылать письма жителям южных крепостей с призывами отказаться от поддержки казаков и признать власть Михаила Федоровича. Это быстро возымело эффект, и многие крепости стали склоняться к тому, чтобы признать власть нового государя. Опасаясь народных восстаний в пользу Москвы, И. М. Заруцкий отступил в Данков, но деятельный М. А. Вельяминов сразу же послал туда военный отряд, взявший крепость в осаду. В такой обстановке атаман отправил свои войска на Ливны, жители которых давно присягнули Михаилу Романову и даже участвовали в его избрании. Трудно сказать, какие цели преследовали казаки, осаждая эту крепость. Два раза воины И. М. Заруцкого ходили на приступ ливенских стен, но были

отбиты. Тогда И. М. Заруцкий велел отступить и направил свою армию в Лебедянь — небольшую сторожевую крепость, которая была основана около 1612 г. [4, с. 13]. Без труда захватив Лебедянь, казаки вновь отправились на Данков, который взяли в осаду. Однако в этот момент против них неожиданно выступили жители Ельца, зайдя в тыл мятежной армии. Кроме того, из Москвы против И.М. Заруцкого уже спешило войско князя Н.И. Одоевского. В сложных военных условиях атаман приказал своей армии отступить к Воронежу. Сражение казаков с московскими войсками произошло недалеко от этой крепости и закончилось их поражением. И.М. Заруцкий бежал Астрахань, где позднее был схвачен.

В сентябре 1613 г. политическое единство южной окраины Российского царства было полностью восстановлено и «размирье», наконец, закончилось. Поддержка населением казаков И. М. Заруцкого, вероятно, была связана с опасением карательных мер со стороны атамана, ведь никаких других военных сил здесь тогда не было. Но как только стало понятно, что Москва имеет достаточно возможностей, чтобы отстаивать свои интересы на южном пограничье, жители крепостей отказались от поддержки казаков.

События 1613 г. со всей очевидностью продемонстрировали высокую легитимность нового монарха — Михаила Федоровича Романова. Местные «миры» оказали ему полное доверие и при первой возможности отложились от казаков.

Постепенно на окраине царства начала восстанавливаться сторожевая служба, приезжали новые воеводы, которых в отдельных крепостях не было последние пять лет, строились казенные учреждения. В 1615 г. были составлены платежные книги, зафиксировавшие численность населения, с земель которого платился налог. В 1612–1613 гг. воеводам удалось восстановить или построить заново кабаки и таможни, а для борьбы с мелкими уголовными преступлениями были выбраны первые губные старосты (в Воронеже, Ельце, Курске). Местные «миры» продолжили хозяйственное освоение своих уездов, быстро развивались товарный рынок и разнообразные ремесла, вырос размер обрабатываемой земли, увеличилась численность крестьян. В 1618 г., когда здесь появились запорожские казаки с призывами открыть ворота именем «царя Владислава», никто и не подумал этого сделать.

Таким образом, Смутное время для окраины царства было периодом ожидания прихода нового царя. Кри-

зис безвластия затянулся, так как легитимность претендентов на московский трон до 1612 г. была невысокой. Иными словами, жители южных крепостей явно не спешили действовать в интересах Василия Шуйского или атамана И. М. Заруцкого. Только Михаил Федорович Романов стал настоящим самодержцем для местных «миров». Для того, чтобы понять почему же именно он оказался

тем истинным царем, за которого люди были готовы пожертвовать собственными интересами и самой жизнью, следует тщательно изучить традиционные представления низов русского общества о власти, ведь именно в Смуту народная стихия получила большую свободу и влияние на политические события.

Список литературы

1. Белокуров С. А. Разрядные записи за смутное время (7113—7121 гг.). М., 1907.
2. Васенко П. Г. Бояре Романовы и воцарение Михаила Федоровича. СПб., 1913.
3. Воробьев А. В. Елецкие дети боярские накануне Смутного времени (по данным Елецкой десяти 1604 г.) // Российское дворянство (XII—начало XX века) : актуальные проблемы исторического исследования : сб. материалов конференции студентов, аспирантов и аспирантов и молодых ученых, Санкт-Петербург, 3-5 мая 2007 г. СПб., 2007. С. 34-40.
4. Гамаюнов А. И. Лебедянь. Близость начала // Записки Липецкого обл. краевед. об-ва. Липецк, 2005. Вып. 4.
5. Глазьев В. Н. Города-крепости Российского Черноземья в 1604—1618 гг.: гражданская война и ее преодоление // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24. № 2.
6. Зенченко М. Ю. Южное российское порубежье в конце XVI – начале XVII в. М., 2008.
7. Козляков В. Н. Василий Шуйский. М., 2007.
8. Козляков В. Н. Служилые люди России XVI–XVII веков. М., 2018.
9. Ляпин Д. А. Дети боярские Юга России в XVII в. (по материалам Елецкого уезда) // Вестник ВГУ. Серия Гуманитарные науки. Воронеж, 2006. № 2 (часть 2) С. 273–284.
10. Ляпин Д. А. Елецкие дети боярские в конце XVI в. // Социальная история российской провинции в контексте модернизации аграрного общества: материалы междунар. конф. Тамбов. 2003. С. 241–244.
11. Ляпин Д. А., Воробьев А. В. Восставшие рубежи : народные движения в южно-русской провинции в 1606–1612 гг. // История в подробностях. 2010. № 5. С. 58—68.
12. Ляпин Д. А., Пальчикова А. С. Восприятие провинциальным дворянством южных уездов политической борьбы в России в 1604–1613 годах (на примере Елецкого уезда) // Российская история. 2014. № 6. С. 99–104.

13. Ляпин Д. А., Пальчикова А. С. Имена царей и их наследников в системе имянаречения детей боярских южнорусского порубежья во второй половине XVII в. // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2015. № 3 (61). С. 77–78.
14. Масса И. Краткое известие о Московии в начале XVII в. М., 1937. С. 125 ; Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича. Александро-Невская летопись. Лебедевская летопись // ПСРЛ. М., 1965. Т. 29.
15. Миклашевский И. Н. К истории хозяйственного быта Московского государства. Ч. 1 : Заселение и сельское хозяйство южной окраины в XVII в. М., 1894.
16. Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII в.: Сб. документов / отв. ред. Н. М. Рогожин. М., 2003.
17. Описи архива Разрядного приказа XVII в. / Подгот. текста и вступ. ст. К. В. Петрова. СПб., 2001.
18. Павлов А. П. Думные и комнатные люди царя Михаила Романова : просопографическое исследование. СПб., 2018. Т. 1.
19. РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Д. 86.
20. Скрынников Р. Г. Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII века. Л., 1985.
21. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 2001. Кн. V. Т. 9.
22. Станиславский А. Л. Гражданская война в России XVIIв. : Казачество на переломе истории. М., 1990.
23. Станиславский А. Л. К истории второй «окружной» грамоты Шуйского // Археографический ежегодник за 1962 г. М., 1963.
24. Ульяновский В. И. Смутное время. М., 2006.
25. Фомин Н. К. «Епифанцы, дети боярские, бывшие казаки» – исторические судьбы социальной корпорации // Куликово поле : вопросы историко-культурного наследия. М.; Тула, 2000. С. 23-31.

References:

1. Belokurov S. A. Razryadnye zapisi za smutnoe vremya (7113–7121 gg.). М., 1907.
2. Vasenko P. G. Boyare Romanovy i votsarenie Mikhaila Fedorovicha. SPb., 1913.
3. Vorob'ev A. V. Eleckie deti bojarskie nakanune Smutnogo vremeni (po dannym Eleckoj desjatni 1604 g.) // Rossijskoe dvorjanstvo (XII–nachalo XX veka) : aktual'nye pro-blemy istoricheskogo issledovaniya : sb. materialov konferencii studentov, aspirantov i aspirantov i molodyh uchenyh, Sankt-Peterburg, 3—5 maja 2007 g.
4. Gamayunov A. I. Lebedyan'. Blizost' nachala // Zapiski Lipetskogo obl. kraeved. obva. 2005. Вып. 4.
5. Glaz'ev V. N. Goroda–kreposti Rossiyskogo Chernozem'ya v 1604–1618 gg. : grazhdanskaya voyna i ee preodolenie // Vestnik VolGU. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya. 2019. Т. 24. № 2.
6. Zenchenko M. Ju. Juzhnoe rossijskoe porubezh'e v konce XVI — nachale XVII v. М., 2008.
7. Kozlyakov V. N. Vasilij Shuyskiy. М., 2007.

8. Kozlyakov V. N. Sluzhilye lyudi Rossii XVI—XVII vekov. M., 2018. S. 293–309.
9. Lyapin D. A. Deti boyarskie Yuga Rossii v XVII v. (po materialam Eletskego uezda) // Vestnik VGU. Seriya Gumanitarnye nauki. Voronezh, 2006. № 2 (chast' 2) S. 273–284.
10. Lyapin D. A. Eletske deti boyarskie v kontse XVI v. // Sotsial'naya istoriya Rossiyskoy provintsii v kontekste modernizatsii agrarnogo obshchestva : materialy mezhdunar. konf. Tambov. 2003. S. 241–244.
11. Lyapin D. A., Vorob'ev A. V. Vosstavshie rubezhi : narodnye dvizheniya v yuzhno-russkoy provintsii v 1606–1612 gg. // Istoriya v podrobnostyakh. 2010. № 5. S. 58–68.
12. Lyapin D. A., Pal'chikova A. S. Vospriyatie provintsial'nym dvoryanstvom yuzhnykh uezdov politicheskoy bor'by v Rossii v 1604–1613 godakh (na primere Eletskego uezda) // Rossiyskaya istoriya. 2014. № 6. S. 99–104.
13. Lyapin D. A., Pal'chikova A. S. Imena tsarey i ikh naslednikov v sisteme imyana-recheniya detey boyarskikh yuzhnorusskogo porubezh'ya vo vtoroy polovine XVII v. // Drevnyaya Rus': voprosy medievistiki. 2015. № 3 (61). S. 77–78.
14. Massa I. Kratkoe izvestie o Moskovii v nachale XVII v. M., 1937. S. 125 ; Letopisets nachala tsarstva tsarya i velikogo knyazya Ivana Vasil'evicha. Aleksandro-Nevskaya letopis'. Lebedevskaya letopis' // PSRL. M., 1965. T. 29.
15. Miklashevskiy I. N. K istorii khozyaystvennogo byta Moskovskogo gosudarstva. Ch. 1 : Zaselenie i sel'skoe khozyaystvo yuzhnoy okrainy v XVII v. M., 1894.
16. Narodnoe dvizhenie v Rossii v epokhu Smuty nachala XVII v.: Sb. dokumentov / otv. red. N. M. Rogozhin. M., 2003.
17. Opisi arkhiva Razryadnogo prikaza XVII v. / Podgot. teksta i vstup. st. K. V. Petrova. SPb., 2001.
18. Pavlov A. P. Dumnye i komnatnye lyudi tsarya Mikhaila Romanova : prosopograficheskoe issledovanie. SPb., 2018. T. 1.
19. RGADA. F. 210. Op. 4. D. 86.
20. Skrynnikov R. G. Sotsial'no-politicheskaya bor'ba v Russkom gosudarstve v nachale XVII veka. L., 1985.
21. Solov'ev S. M. Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen. M., 2001. Kn. V. T. 9.
22. Stanislavskiy A. L. Grazhdanskaya voyna v Rossii XVIIv. : Kazachestvo na pereleme istorii. M., 1990.
23. Stanislavskiy A. L. K istorii vtoroy «okruzhnoy» gramoty Shuyskogo // Arkheograficheskij ezhegodnik za 1962 g. M., 1963.
24. Ul'yanovskiy V. I. Smutnoe vremya. M., 2006.
25. Fomin N. K. «Epifancy, deti bojarskie, byvshie kazaki» – istoricheskie sud'-by social'noj korporatsii // Kulikovo pole: voprosy istoriko-kul'turnogo nasledija. M.; Tula, 2000. S. 23-31.